

Содержание

1. «Банда Парней»	5
2. Все доступное человеку.....	25
3. @fleurfloor.....	48
4. Бесконечно невозможный.....	68
5. Реальная жизнь.....	86
6. В центре Вселенной.....	107
7. Дети Луны на Земле	132
8. «Полигон Плаза»	150
9. Убежище	175
10. Родство.....	197
11. Ремонтник	218
12. Чистое будущее.....	238

1. «Банда Парней»

Через два года после релиза своего первого альбома в Сеуле «Банда Парней» уже покоряла концертные площадки крупных корпораций и олимпийские стадионы. Я знала, что группа сейчас на пике популярности: недавняя премьера их последнего клипа обесточила целый остров посреди Тихого океана. Эти ребята обладали настолько яркой харизмой, что на концертах одной фанатке буквально сносило голову, и она еще долго не могла прийти в себя и вернуться к привычной рутине. Еще я была в курсе, что у «Парней» огромные добрые сердца, ведь они подарили той фанатке шанс, причину жить в мире, который, по их мнению, был полон фальши.

По крайней мере, такой вывод я сделала из многочасовых разговоров с Ваврой. Мы жили в одной

квартире, так что она целыми днями только и делала, что пыталась обратить меня в свою веру. Но чем сильнее Вавра принуждала меня любить этих парней, тем большее отторжение я испытывала. Их открытое и искреннее общение с поклонниками казалось мне не более чем хитрым планом по расширению фэндома и шло вразрез с моим пониманием любви. Тогда я была скрытной, воинственной, суровой и предпочла бы и дальше находиться в своем коконе, разочаровывая себя и создавая препятствие для других.

Поэтому, когда Вавра объявила, что ее подруга заболела, и пришла вручить мне билет на самый первый концерт группы в Берлине, я отказалась.

— Но я уверена, что этот концерт изменит твою жизнь, — заявила она.

— А я не хочу менять свою жизнь, — ответила я. — Я хочу, чтобы моя жизнь оставалась прежней, настолько неизменной, насколько это возможно.

Вавра посмотрела на меня с сочувствием. С тех пор как я, странная незнакомка из сети, въехала к ней в квартиру, прошел уже год. Все это время она постоянно пыталась заботиться обо мне, а я отчаянно этой заботы избегала, что в итоге привело к появлению своеобразной дружбы между нами.

Такие вещи, как смерть или глобальные катаклизмы, меня не сильно пугали. Больше всего на

свете я боялась открыть свою душу дешевизне и глупости, тем самым разрушив образ серьезности, который сама для себя создала. Тем не менее Вавра невольно учила меня искусству самоопределения, и за это я, в принципе, была ей благодарна. Я снова посмотрела на книгу, лежащую на столе передо мной.

— Ты выглядишь как ученый, — заметила Вавра, — коим не являешься.

— Спасибо, — довольно кивнула я.

— Я имею в виду, ты ничего не делаешь с тем, что читаешь. Как насчет преподавания? Ты могла бы воспитывать юные умы.

— Как? Я себе-то не могу помочь.

— Если бы «Банда Парней» думали так же, они бы не достигли таких высот, — произнесла Вавра. — Они не боятся оставить след в жизни других людей, при этом искренне верят в свою гениальность.

Закрыв глаза в молитве и открыв их снова, она снисходительно улыбнулась, как будто только что вернулась из места за гранью моего понимания. Однако ее возвращение в наш огромный глупый мир поразило меня до глубины души, словно мне недоставало решимости меняться. Именно тогда я поняла, что до сих пор не последовала за ней только потому, что знала — возможно, я уже никогда не вернусь. Я испытывала не отторжение,

а страх, что это изменит меня навсегда. Моя трусость раздражала меня, но любопытство оказалось сильнее, и я впервые задалась вопросом, каково это — любить «Парней».

Два часа спустя я уже направлялась с Ваврой в переполненный зал. С наших мест в самом конце зала сцену было видно очень плохо, поэтому я смотрела на большой экран, служивший фоном. Этот экран размером с многоэтажный дом очень четко воспроизводил все, что происходило на сцене. Так что, когда пятеро ребят появились будто случайно и, опустив головы, сложили руки на животе, я думала только о том, как они, такие маленькие, словно рисовые зернышки, смогут пережить вечер у подножия своих гигантских изображений. Тысячи зрительниц разразились пронзительными криками. Я вспомнила рассказ Вавры о том, что в последнее время на концертах «Банды» участились случаи разрыва барабанных перепонок, поэтому продюсеры группы рекомендовали фанатам пользоваться берушами. Но я не видела ничего подобного у окружающих меня девушек. Они наконец-то дышали одним воздухом со своими кумирами; сейчас было неподходящее время, чтобы заботиться о таких пустяках, как собственное тело.

Парни все еще стояли в линию, склонив головы, как будто их только что отругали. Они были одеты в одинаковые черные туфли-дерби и черные брю-

ки, но верхняя часть их образов отличалась, передавая индивидуальность. Каждый из участников группы носил имя, данное ему в честь какого-то космического тела, но среди них не было Земли. Я не знала, как кого звали. Вавра без конца выкрикивала имена всех пятерых, специально стараясь не произносить одно имя чаще другого.

Я же не была сторонницей равенства. Я уже решила, что крайний слева парень нравится мне больше всех. На нем была розовая шелковая рубашка на пуговицах с длинными манжетами, которые полностью скрывали его руки, оставляя на виду лишь кончики пальцев. Он отчаянно вцепился ими в подол рубашки, как будто мог в любой момент вылететь из нее. У него были светлые волосы, в точности как цвет его лица, и казалось, что его кожа продолжается за пределами его головы.

Когда он поднял голову, я увидела плоское, ничем не примечательное лицо, с глазами узкими, как щель между двумя полосками жалюзи. Но его простота казалась продуманной, призванной подчеркнуть глубину взгляда, которая идеально сочеталась с каменной холодностью бледной кожи. Поза, которую он принял, казалась невозможной: он стоял абсолютно прямо, вытянувшись вверх, но шея находилась под таким невообразимым углом, что голова, которую он тоже держал прямо, принадлежала будто другому телу. Больше всего меня

волновала именно шея. Она была длинная и гладкая, с крепкими мышцами, которые тянулись вниз, вдоль всего тела, прямо до паха, где они, как я себе представляла, мужественно сходились к пенису.

Софиты на сцене зажглись красным, и их огни сложились в новое созвездие, отбросив длинные тени на лица парней. Заиграла музыка — атональные звуки синтезатора смешались с драйвовыми ударными, и парни начали танцевать. По словам Вавры, они никогда не использовали подтанцовку, так как считали дешевым трюком выделяться на фоне сравнительно обычных ребят. И вот они были там: пять одиноких пятнышек на огромной черной сцене. Они встали в круг, лицом друг к другу, и создали между собой невидимый энергетический шар. Во время потрясающего припева они развернулись и раскинули руки ладонями вверх, словно отдавая энергию окружающей пустоте.

«Парни» пели:

— Что значит умереть на этой планете? Одиночество, отчаяние, хаос. Человек — это песчинка в космосе. И что значит жить на этой планете? Созидание, желание, борьба. Человек — это космос в песчинке.

Вавра рассказывала, что почти каждый вечер, после усердной тренировки, «Банда Парней» мылись, а затем собирались в своей гостиной и изучали классическое искусство и литературу. Каждый их альбом был отдельной эпохой, и, готовясь

к нынешнему, «Парни» корпели над корейским переводом Софокла, возмущенные решением Эдипа ослепить себя. Да, он был слеп в своем невежестве, но почему бы тогда не сделать две новые дырки у себя на лице для еще одной пары глаз? Альбом стал протестом против капитуляции Эдипа перед тьмой, превозносил истину и свет.

Я продолжала смотреть на мальчика с волнующей шеей. Другие участники группы выражали глубину своих чувств через движения или выражение лица; я понимала, как они взаимодействуют с миром. Но его поведение не поддавалось логике. У меня не получалось предугадать его следующее действие, но как только оно происходило, я не сомневалась в его правильности, необходимости. Казалось, он контролировал даже скорость, с которой двигался, его ноги приземлялись с невероятной нежностью, как будто он не хотел потревожить сцену. Его движения были плавными, трагичными, античными. Каждый мускул напрягался в подходящий, самый последний момент, как будто он заранее перемещался во времени.

Каждый из участников по очереди становился во главу треугольного строя и исполнял свою партию, отчего крики в зале усиливались пятикратно. Когда парень с будоражающей меня шеей рванулся, чтобы выйти вперед, мои глаза наполнились слезами. Я следила за резкими движениями его тела

и слаженной работой мышц и все яснее понимала его индивидуальность — то, чем он отличался от других. И я знала, что люблю его, потому что он нравился мне больше остальных.

Его голос был словно розовая лента, развевающаяся на ветру:

— Раньше я стоял неподвижно и внимательно наблюдал за миром. Теперь я бегу так быстро, как только могу, и осознаю все так быстро, насколько возможно, но даже этого недостаточно, ведь все, что я вижу, — улицу передо мной, готовую исчезнуть за горизонтом. Вот бы расплющить землю, чтобы я видел все и всегда.

Я бы никогда не смогла соотнести исчерпывающие рассказы Вавры о каждом парне с их именами и лицами. Но его движения на сцене подняли мысли из глубин моего сознания, и они завихрились, как нить вокруг катушки со звучным именем: Мун. Я вспомнила, что двадцатилетний Мун был самым молодым в группе.

Он был вундеркиндом в балетной труппе Сеула, исполнял все главные роли, пока ему не исполнилось четырнадцать и его не наняла развлекательная компания. Четыре года спустя он почти провалился, пытаясь завоевать себе место в «Банде Парней», потому что президент компании, известная как Профессор Музыки, была настроена скептически: ни на кого не похожий Мун мог по-

ставить группу в зависимость от индивидуальных особенностей своего танца. Другим участникам пришлось бы подстраиваться под него, и яркие, но вполне обычные, присущие остальным парням особенности стали необходимыми для проявления индивидуальности Муна. Для меня обрели смысл однажды сказанные Ваврой слова: он ел тяжелую пищу прямо перед сном и просыпался стройным и подтянутым, что доказывало интенсивность его метаболизма во сне.

Меня уносило. Я испытывала то, что Вавра однажды описывала как «Мой Первый Раз». Но, в отличие от потери девственности, которую я предвкушала с таким трепетным осознанием, что больше была уверена, что когда-нибудь займусь сексом, чем умру, я не знала, чего ожидать от Муна. Мой первый раз, пережитый в возрасте двадцати девяти лет, заставил меня задуматься обо всех других первых разгах, которые у меня еще могут быть. Мир внезапно наполнился множеством возможностей для любви.

Через несколько песен парни снова встали в ряд. Поскольку Сан, самый старший, двадцатичетырехлетний, участник группы, говорил по-корейски, переводы на английский и немецкий транслировали на экране. По его словам, у них за плечами была уже половина их мирового турне, которое началось два месяца назад в Сеуле,

